

10. Номоконов В.А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 24. – С. 45–55.

11. Кузнецов М.А. Киберпреступность в России / М.А. Кузнецов, А.А. Тигашева // Основные тенденции развития Российского законодательства. – 2012. – № 7. – С. 127–128.

12. Згадзай О.Э. Киберпреступность: факторы риска и проблемы борьбы / О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев // Вестник НЦБЖД. – 2013. – № 4 (18). – С. 80–86.

13. Цалко Н.В. Преступления в сфере высоких технологий экономической направленности / Н.В. Цалко, Н.Е. Мерещкий // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2012. – Т. 3. – С. 293–299.

14. Носов В.В. Організація та забезпечення інформаційної безпеки : [навчальний посібник] / В.В. Носов, О.В. Манжай. – Х. : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2007. – 216 с.

15. Манжай О.В. Правові засади захисту інформації : [навчальний посібник] / О.В. Манжай. – Х. : Ніка Нова, 2014. – 104 с. – з іл.

16. Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение / Д.Н. Карпова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 46–50.

17. Чекунов И.Г. Киберпреступность: проблемы и пути их решения / И.Г. Чекунов // Вестник Академии права и управления. – 2011. – № 25. – С. 97–103.

18. Манжай О.В. Використання програмного забезпечення для провадження окремих слідчих дій та оперативно-розшукових заходів / О.В. Манжай, А.В. Вінаков // Форум права. – 2012. – № 2. – С. 437–441. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/FP/2012-2/12movorz.pdf>.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лилия МАТВЕЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Одесского государственного университета внутренних дел

Summary

The article focuses on the historical aspects of formation and development of law sources, particularly of their development in the transitive period. It is analyzed economic, social and political processes that are constantly taking place in the world and affect on the legal scope and the legal form of their fastening. It is studied the practical importance of the law sources' problems in the transitive period, analyzes the causes of the expansion of the diversity of states' law forms. The author points out the prospects for further democratization process of lawmaking in the development of various law forms. This article allows to examine closer the nature of the modern law forms, to characterize the patterns of law development.

Key words: law sources, law forms, law custom, law precedent, legal act, social transition.

Аннотация

В статье проведен анализ исторических аспектов формирования и развития источников права, особенностей их развития в транзитивный период; экономических, социальных, политических процессов, которые постоянно происходят в мире, влияют на правовую сферу и юридическую форму их закрепления. Исследовано практическое значение проблемы источников права в транзитивный период, анализируются причины расширения разнообразия форм права современных государств. В развитии различных форм права автор видит перспективы дальнейшей демократизации процессов правотворчества. Проведенное исследование позволяет более детально рассмотреть природу современных форм права, дать характеристику закономерности процесса развития права.

Ключевые слова: источники права, формы права, правовой обычай, правовой прецедент, нормативно-правовой акт, социальная транзигция.

Постановка проблемы. С совершенствованием и усложнением правовой сферы система источников права приобретает большое значение, т. к. их содержание обеспечивает преемственность права любого общества. На основе анализа направлений и основных тенденций развития источников права в условиях социальной транзигции можно определить содержание современного этапа развития правовой системы Украины.

Актуальность темы. Транзитивное состояние правовой системы Украины в условиях перехода от посттоталитаризма к демократии требует теоретически обоснованных прогнозов, в том числе и о возможных трансформациях источников права.

Правовые категории «источники права» и «формы права» в юриспруденции основательно разработаны. Среди наиболее заметных исследователей обозначенной проблемы можно

назвать Г.Дж. Бермана, У. Бернама, Н. Вопленко, Л. Корчевную, М. Марченко, Н. Пархоменко, Н. Сильченко, Т. Шатковскую. Однако изменение источников права под воздействием факторов социальной транзигции до сих пор изучено недостаточно.

Целью статьи является изучение особенностей источников права транзитивного периода, воздействие объективных факторов на возникновение новых источников права и динамику их развития.

Изложение основного материала исследования. Проблему источников права как регулятора общественных отношений Д. Жукова-Василевская предлагает рассматривать в контексте интегрального подхода к пониманию права, признавая источниками любые формы фиксации правовых норм, из которых участники правоотношений на практике реально черпают обязательные для них правила поведения, представления

о правомерном и неправомерном, а правоприменители – основу для выносимых ими решений [6, с. 2–4].

Н. Сильченко указывает на правосознание и обусловленное им интеллектуально-психологическое содержание правовой нормы как объективный фактор эволюции источников права. Он подчеркивает зависимость как эволюции, так и иерархии источников права от доминирования в содержании (структуре) правовой нормы одного из трех его элементов: собственно юридического, социального или интеллектуально-психологического, а также от того, каким путем создается право, условно говоря – «снизу вверх» или «сверху вниз». Если доминирует первый путь (от общества к государственному санкционированию), тогда основным элементом содержания правовой нормы является ее социальная часть и, соответственно, доминируют правовой обычай и правовой прецедент. Если право формируется «сверху вниз» и в правотворчестве доминирует государство, то основным элементом содержания правовой нормы становится ее собственно юридическая часть, а основными формами права оказываются нормативно-правовой акт и нормативный договор. Доминирование правосознания как основной формы права и, соответственно, интеллектуально-психологической части в содержании правовой нормы обуславливает появление религиозных правовых систем. Продолжая мысль Н. Сильченко, можно сделать логический вывод о юридической доктрине (с ее интеллектуальным содержанием) как основном источнике международного права. Разделяя источники права на основные и дополнительные, этот автор отмечает возможность их «перетекания» из одной группы в другую. Основным источником права может стать дополнительным, а дополнительный, наоборот, основным. В тоже время он оставляет открытым вопрос о факторах, которые обуславливают такое «перетекание» [15, с. 75–84].

По нашему мнению, в развитии правовой системы определяющим фактором является социальная транзитивность, в особенности ее революционный вариант. Отметим, что мы исходим из факта революций не только в политической и социальной, но и в

экономической сфере жизни общества. За всю историю человечества известны всего лишь три экономические революции: неолитическая, индустриальная и научная. Все они повлияли не только на содержание права, но на и формы выражения права извне, то есть обусловили доминирование одних и вспомогательный характер других источников права.

Сегодня мало кем подвергается сомнению тезис о том, что неолитическая революция, в результате которой возникла производительная экономика, стала определяющим фактором появления права как социального института. Отметим и влияние неолитической революции на форму права. Ведь, будучи формально определенными регуляторами, правовые нормы не могут существовать без соответствующей формы. Такой первичной формой бытия правовых норм изначально стал агрокалендарь, то есть система исчисления времени, в основе которой лежит периодичность явлений природы, наглядно представленная движением небесных светил. Агрокалендари по дням расписывали всю жизнь каждого члена раннеземледельческой общины. Так, в жреческих требниках майя подробно был зафиксирован перечень обрядов, которые были связаны со всеми отраслями хозяйства и распространялись на все слои населения, кроме рабов. Соответствующие указания были представлены в виде краткого описания занятий богов, примеру которых в строго календарные сроки должны следовать все члены общины. Отклонение от установленного порядка действий или сроков рассматривался как кощунство и могло завершиться попаданием на жертвенный алтарь [9, с. 228]. Таким образом, агрокалендарь уже обладал некоторыми признаками права: общеобязательным, модельным характером и санкцией. Как отмечал А. Венгеро, с агрокалендарем появились способы, регулирующие поведение человека путем указания на то, что обязательно следует делать («надо»), что разрешено делать («можно»), что запрещается делать («нельзя»), или то, что безразлично для общества, т. е. можно действовать по своему собственному усмотрению. Этот новый способ регулирования и характеризует право [3, с. 168]. Такая агрокалендарная форма права, очевидно, была одной из са-

мых продолжительных по времени существования в человеческом обществе. Так, распорядок сельскохозяйственных работ, созданный в императивно-санкционном духе, мы наблюдаем в классической Греции – именно так построены стихи 770–830 в поэме Гесиода «Работы и дни» [5].

Более того, даже в период высокого средневековья в Саксонском зеркале Эйке фон Репкова также есть следы древнего агрокалендаря. В частности, сроки выполнения повинностей крестьян в пользу феодала «приспособлены» к определенным датам, хотя уже и сакрализованных с помощью христианской религии. Так, крестьянин со своего хозяйства должен был предоставить своему сеньору курицу в день св. Мартина – 11 ноября (ст. 48 книги 2 Земского права) [14, с. 12–144]. Именно этот святой был «избран» для освящения древнего агрономического праздника – окончания осенних сельскохозяйственных работ.

Таким образом, древний агрокалендарь дал начало правовому обычаю, причем не только его материальному содержанию, а еще больше – процессуальной форме. На конкретных примерах крестьянских обычаев Т. Шагковская показывает, как каждая процедура, формула, действие, знак выполняли свою функцию. Форма обычного права отвечала чувственно-осознательному, конкретному, образному мышлению членов традиционного социума. И процедура в обычном праве имела не меньшее значение, чем норма. Символизм, ритуальность, обрядовость и поэтизм – это черты, которые способствовали материализации и формализации обычного права, а также объективации накопленных правовых знаний. Слово, ритуал, обряд, символ, процедура объемно раскрывали ментальный смысл обычно-правовых дефиниций и одновременно запускали механизм правовой коммуникации [20, с. 26].

Поскольку социальный опыт, в том числе опыт правового регулирования, генетически не передается, сохранить его можно было только в форме обычаев и традиций, которые обособленно считаются древнейшими формами права.

Как представляется, рука об руку с формированием правового обычая шло формирование правового прецедента,

причем в темпоральном измерении последний мог предшествовать. Как указывал А. Рэдклифф-Браун относительно древнейших регулятивных систем, объяснение тому, почему прецеденту следовали, состояло просто-напросто в легенде о том, как этот прецедент был впервые создан. То, что прецедент, будучи однажды создан, приобретал авторитетность, не требует никаких доказательств. Общественные правила базировались на прецедентах, и продолжение существования общества было достаточным обоснованием того, что прецеденту, однажды созданному, нужно следовать и дальше [13, с. 5]. Дополнительную силу прецеденту в обществах с нерасчленённым сознанием придавал авторитет богов, что и способствовало перерастанию его в правовой обычай. Так, известно, что обычай объявлять перемирие во время Олимпийских игр возник именно из прецедента. Поначалу праздник в честь Зевса не предусматривал такого перемирия, поэтому военные действия продолжали терзать Элладу и во время проведения олимпийского праздника. Это побудило организаторов спросить самого оракула, что же нужно сделать, чтобы предотвратить войны, междоусобные распри и эпидемии. И пифия ответила так: «Воздерживаясь от войны, вы защищаете вашу страну. Учите эллинов общепринятой дружбе, как только придет дружественный пятый год (т. е. год новой Олимпиады)» [10, с. 5]. Впоследствии этот прецедент стал правовым обычаем, который до сих пор является одним из принципов международного олимпийского движения.

Прецедент в исторической перспективе был своеобразным «мостиком» от социального процесса правотворчества, что, как правило, завершалось формированием правового обычая, к правотворческой функции государственного аппарата. Побудительным мотивом прецедентного правотворчества исторически, как и сегодня, была недостаточность правового регулирования, необходимость нахождения адекватного ответа на вновь возникшую правовую ситуацию. Примером такого прецедентного ответа на общественный запрос является решение уитенагемота (народное собрание в англосаксонский период истории Англии) по земельным спорам

[7, с. 23–32]. Отметим, что это происходило задолго до реформы судебных органов, проведенной королями нормандской династии и приведшей к появлению общего права.

Более того, есть основания считать, что аналогичным путем развивались формы права и у других народов. Так, Р. Хачатуров и его научная школа указывают на включение прецедентных решений (судебной практики) в состав Русской правды (ст. ст. 23, 31, 40 Краткой Правды, ст. ст. 2, 78 Расширенной Правды) [19]. Отметим, что это уже прецеденты, созданные государственной властью, когда князь как носитель судебной функции по своему усмотрению решал правовые ситуации, не предусмотренные действующими обычаями, создавая нормы, направленные преимущественно на укрепление государственной власти.

Итак, древнейшие формы существования права были порождены самим обществом и его созданными им же властными институтами в виде простейших форм суда и военного лидерства, поэтому определенный Н. Сильченко социальный элемент в них явно доминирует. Отметим неразвитость интеллектуально-психологического компонента в содержании древнейшего права, прежде всего, в силу господства эмпирических способов отражения окружающего мира и вызванной им персонификации и опредмечивания даже чисто абстрактных понятий (духи и боги как олицетворение справедливости, наказания, возмездия). Социальный элемент в содержании правовых норм «обслуживал» нужды примитивного сообщества (прежде всего в защите права собственности). Таким образом, формирование права тогда могло проходить только «снизу вверх». Такому доминированию социального элемента способствовала и слабость, а то и отсутствие даже самых примитивных государственных форм.

Переход к правовому регулированию с помощью нормативно-правовых актов происходило постепенно. В психологическом интеллектуальном плане Т. Кашанина связывает возникновение нормативно-правового регулирования с усвоением человеком абстрактного типа мышления [8, с. 34–53]. По нашему мнению, возникновение абстрактного мышления является частью того

периода духовной эволюции человечества, который К. Ясперс назвал осевым временем. Именно тогда в первых системах философского знания появились представления о различии надлежащего и сущего [21, с. 32–35] и, соответственно, представления об идеальном должном (то есть доктринальное понимание права). Сугубо юридическая часть в содержании права возрастает в силу перебирания на себя государственным аппаратом регуляции общественных отношений из-за очевидной целесообразности для нужд управления и выгоды для себя. Таким образом, возникает и закрепляется среди форм права нормативно-правовой акт. Прежде всего, нормативно-правовые акты применялись для регламентации государственно-властных отношений, в частности систематизации общеобязательных взысканий в пользу государственной казны, для поддержания порядка и противодействия преступности и привлечения к ответственности за совершение правонарушений. Отметим, что последнее через систему штрафов также служило способом пополнения казны. Между тем сфера частного права как не слишком интересная для фискально-властных целей еще долгое время остается под влиянием обычного и прецедентного права.

Древние систематизации правовых норм, в частности пенитенциарии, является переходной формой от обычного-прецедентных форм к нормативно-актному регулированию. Все они (Законник Хаммурапи, Законы XII таблиц, варварские правды) являются синкретическими по источникам происхождения сборниками правовых норм, но вместе с тем уже санкционированными публичной властью.

Важным толчком к утверждению нормативно-актной формы правового регулирования стало разграничение религии и права, церкви и государства, которое называют Папской революцией. Католическая церковь в течение XI в. настоятельно искала в истории правовой авторитет, который поддержал бы верховенство папы над всем духовенством, а также независимость духовенства от всей светской сферы и по возможности – преимущество над ней. В то же время император Священной Римской империи также начал

разыскивать древние тексты, которые поддержали бы его в борьбе против узурпации власти папой. Борьба между императором и папой побуждала ученых развивать науку права, которая дала бы рабочую основу для политики противоборствующих лагерей. В связи с этим, возникло профессиональное сообщество юристов, юридическая школа, иерархия судов. В рамках создаваемой ими правовой доктрины возникла идея Закона как торжества совершенного Божественного закона над языческими локальными правовыми обычаями [1, с. 120]. Устойчивый, благодаря созданию университетов, транснациональный характер юридического и теологического образования создал новый интеллектуальный и правовой порядок в Западной Европе. У правовых дисциплин не было границ. Общий богословский, научный, литературный и юридический язык – латынь – сделал возможным обучение в университетах студентов из разных стран. И церковь, и университеты учили, что человеческие законы нужно проверять законами божественными, что концепция законности, справедливости и доброй совести должна сочетаться с концепцией милосердия и сострадания, что наука права является частью общего культурного пространства [12, с. 193].

Закон как воплощение разумности и целесообразности утвердился в идеологии правотворчества в эпоху Просвещения. Отметим совпадение нескольких факторов вытеснения иных форм права нормативно-правовым актом. Во-первых, это формирование национальных рыночных экономических систем (XVI–XVII вв.), которые могли эффективно действовать только при наличии однообразно применяемых, одинаковых для всех регионов страны правовых норм, поддерживаемых центральной властью. Экономическая свобода и законность, как доказал впоследствии Ф. Хайек, неотделимы одна от другой [18, с. 90–102]. Во-вторых, это формирование централизованных государств. В целом государство как политическая организация гражданского общества в современном смысле слова возникает одновременно с формированием национального рынка, нации и универсального международного

права. Для централизованной власти, основанной на правовых принципах, закон/нормативно-правовой акт является целесообразной и удобной формой проявления властных велений. Так, например, не случайно на этапе перехода от постсредневекового к современному государству во Франции создается система актов центральной власти, систематизируются правовые нормы важнейших сфер правовой жизни – большие ордонансы: Гражданский ордонанс (1667), Торговый ордонанс (1673), Морской ордонанс (1681), Черный ордонанс по управлению в американских колониях Франции (1685), Уголовный ордонанс (1670).

В-третьих, в эти времена происходит окончательное отделение форм права от форм других социальных регуляторов. В частности, религиозный текст перестает быть основой системы права. Право, оторванное от своих религиозных корней, стало рассматриваться исключительно как продукт человеческого разума (последний же, как известно, не лишен недостатков), далее возникли идеи о самостоятельной ценности «человеческого права». Это нашло философское обоснование в представлениях, что источником человеческого права является естественное право. На эту теорию будут опираться революционеры Нового времени, которые провозгласили естественные права личности [12, с. 191–195].

Индустриальная революция с ее одновременно инновацией и унификацией производства обусловила окончательное перетягивание государством на себя, хотя и косвенно, через народное представительство основной правотворческой функции, результатом чего стало закономерное выдвигание на первый план в иерархии источников права нормативно-правового акта. Так, несмотря на то, что английский парламент существует с 1263 г., только в 1327 г. в нем был зарегистрирован первый государственный законопроект, а в 1581 г. за всю сессию парламент выслушал лишь 92 законопроекта (далеко не все были приняты). Период индустриальной революции привел к лавинообразному законотворчеству парламента (так, только рассматриваемые британским парламентом ежегодно акты делегированного законодательства составляют более 6 тыс. стра-

ниц) [11, с. 41, 47]. Закон как основа законности, без основных принципов которой невозможно существование конкурентной индустриальной экономики, ожидаемо и закономерно стал основным источником права.

В утверждении нормативно-правового акта как основного источника права большую роль сыграл политический и идеологически доктринальный фактор. Под влиянием Французской революции и Франции как европейской конституционной лаборатории в странах континентальной Европы тезис о законодательном верховенстве получил дальнейшее развитие и закрепился в виде постулата законодательной исключительности [2, с. 121].

По мнению Дугласа Норта, в истории человечества было всего две экономические, уже упомянутые нами, революции, а большинство исследователей, основываясь на идее трех волн цивилизации Элвина Тоффлера, называют изменения в экономике, происходящие с середины XX в., информационной революцией. Именно тогда, по наблюдению Э. Тоффлера, в США численность работников умственного труда и сферы услуг впервые превысила численность промышленных рабочих [16]. Теряет ли закон свое место главы системы источников права под влиянием информационной революции?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос не является однозначным. Во-первых, удельный вес нормативно-правовых актов увеличивается во всех развитых странах, не исключая страны семьи общего права. Так, с 30-х гг. XX в. в США наблюдается, по словам У. Бернама, «горячая законодательствования», которая известила мир о наступлении так называемого века статутов. Кроме федеральных законов, составляющих Свод законов США, каждый американский штат сегодня имеет сегодня такое же количество собственных законов, как любая европейская страна [2, с. 120]. Во-вторых, меняется форма закона, а именно: растет число и значение кодифицированных законов. Так, штат Калифорния руководствуется 23 кодексами, которые охватывают все сферы правового регулирования, от семьи до аграрной политики и исполнения уголовных наказаний. В-третьих, кодексам неофициально предоставляет-

ся высшая, по сравнению с обычными законами, юридическая сила, что ощущено и в Украине. В-четвертых, наоборот, отмечаются признаки сохранения и даже утверждения полиисточничности права как на уровне национальной системы права, так и международного права. В-пятых следует учитывать взаимодействие и взаимовлияние правовых систем, которые проявляются, среди прочего, в заимствовании не только содержания, но и форм права. В целом в современном мире наблюдаются процессы конвергенции различных правовых систем [17]. Так, традиционные для Великобритании прецеденты находят свое место в континентальных системах права, и, наоборот, законодательство как форма права уже завоевало первенство в системе источников права этой страны. В странах с англосаксонской правовой системой наряду с судебным прецедентом все большую роль приобретают уставы (законы). В странах романо-германской правовой системы вызывает оживленную дискуссию вопрос о признании судебной практики источником права.

Выводы. Анализ источников права в условиях социальной трансформации позволяет сделать следующие выводы:

- в неразвитом обществе, основанном на традиционной экономике, формами права являются правовой обычай, религиозные тексты, судебный прецедент, используется также договор в имущественных отношениях;

- на переходном этапе к рыночной экономике добавляются такие формы права, как деловое обыкновение и правосознание; принцип справедливости – вот основа правосознания;

- с переходом общества к рыночной экономике и индустриальной эре основной формой права становится нормативный акт, который дает возможность точно фиксировать и, если есть необходимость, менять правила поведения, тем самым обеспечивать динамику общественного развития.

- в развитом обществе интеллект людей поднимается на новую высоту. В правовом регулировании начинают использоваться аналитические формы права – юридическая доктрина, судебная практика, моральные взгляды, публично-правовой договор.

Список использованной литературы:

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман; пер с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1996. – 624 с.

2. Берман У. Правовая система США / У. Берман; науч. ред. В.А. Власихин. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

3. Венгеров А.Б. Лекция 6. Происхождение права. Общая теория права: [курс лекций] / А.Б. Венгерова; под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н/Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.

4. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: [учебное пособие] / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.

5. Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма / Гесиод; пер. В. Вересаева. – М.: Недра, 1927. – 88 с.

6. Жукова-Василевская Д.В. Эволюция взглядов на сущность и назначение источников права / Д. В. Жукова-Василевская // История государства и права. – 2007. – № 17. – С. 2–4.

7. Золотарев А.Ю. Суд, право и справедливость в англосаксонской Англии: к вопросу об источниках и природе раннесредневекового права / А.Ю. Золотарев // Право в средневековом мире. 2007: сб. ст. / под ред. И.И. Воряш, Г.А. Поповой. – М.: ИВН РАН, 2007. – С. 23–32.

8. Кашанина Т.В. Эволюция форм права / Т.В. Кашанина // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). – 2011. – № 1. – С. 34–53.

9. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя / Ю.В. Кнорозов. – Л.: Наука, 1975. – 272 с.

10. Кузищин В. Священное перемирие в концепции Олимпийских игр Древней Греции / В. Кузищин // Наука в олимпийском спорте. – 2014. – № 2. – С. 4–7.

11. Макдональд У. Повседневная жизнь британского парламента / У. Макдональд; пер. с англ. Е.В. Коллочкиной. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 347 с.

12. Романовская В.Б. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации / В.Б. Романовская, Л.Р. Романовская // Вестник Нижегородского

университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 191–195.

13. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А.Р. Рэдклифф-Браун; пер. с англ. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.

14. Саксонское зеркало: Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корещкий. – М.: Наука, 1985. – С. 12–144.

15. Сільчанка М.У. Класифікація і еволюція криниці права у залежності від типу і виду правової сям'ї / М.У. Сільчанка // Право и демократия: сб. науч. трудов / редкол.: В.Н. Библило (гл. ред.) и др. – Вып. 20. – Минск: БГУ, 2009. – С. 75–84.

16. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ.; вступ. ст. П. Гуревича. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – 784 с.

17. Третьякова О.В. Юридическая конвергенция: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / О.В. Третьякова. – Владимир, 2012. – 45 с.

18. Хайек Ф. Август фон Дорога к рабству / Ф. Хайек; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.

19. Хачатуров Р.Л. Становление права (на материалах Киевской Руси) / Р.Л. Хачатуров. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1988. – 260 с.

20. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / Т.В. Шатковская. – Ростов-н/Д, 2009. – 59 с.

21. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1991. – С. 32–35.